

АЛЕКС ВАН ХОЛЛ

**НАВСЕГДА ТВОЙ
ДРУГ**

4K

Алекс Ван Холл

Навсегда твой друг

«Автор»

2026

Холл А.

Навсегда твой друг / А. Холл — «Автор», 2026

Девятилетнюю Сару считают в школе странной, ведь её тихая доброта кажется окружающим слабостью. Но всё меняется в душный майский вечер 1985 года, когда в лесу Атланты она находит худого щенка с пушистыми ушами и удивительными, разными глазами. Один из них — тёплый карий, а второй — пронзительно-голубой, словно осколок льда. Она называет его Кай. Он не знает команд, но становится её тенью, защитником и самым верным ангелом-хранителем. Вместе они пройдут через годы взросления, первую любовь и горькие потери. Люди будут исчезать из жизни Сары, но преданность Кая останется неизменной сквозь десятилетия. Это трогательная история о силе сострадания и связи, которую не способны разрушить годы. Ведь у вечной любви, нет смерти.

© Холл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОСВЯЩАЮ:	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	19
ГЛАВА 6	22
ГЛАВА 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алекс Ван Холл Навсегда твой друг

ПОСВЯЩАЮ:

Посвящено всем тем, кто верит в преданность и любовь.

ПРОЛОГ

У каждого человека есть официальная дата рождения, записанная в документах. Но я точно знаю, что моя настоящая жизнь началась вовсе не тогда, когда я появилась на свет. Она началась гораздо позже — в один душный майский вечер 1985 года на заброшенной лесной тропинке в пригороде Атланты. До этого момента я была обычной одинокой девятилетней девчонкой, которая не умела давать отпор этому огромному и жестокому миру. Но то, что произошло в тот вечер в лесной глуши, изменило меня, мою семью и всю мою судьбу навсегда.

Эта история полна тепла, весёлых пакостей, опасных приключений и самой верной дружбы на свете, которая помогла мне выстоять и стать сильной. И сегодня я хочу, чтобы и вы узнали нашу историю. Переверните страницу, и давайте вернёмся в тот самый далёкий май, с которого всё началось...

ГЛАВА 1

Утренний будильник зазвонил ровно в семь, противно и громко дребезжа на прикроватной тумбочке. Я неохотно высунула руку из-под теплого одеяла и шлепнула по железной кнопке, заставляя его замолчать. В комнате уже было душно — май в пригороде Атланты сразу заявлял о себе липкой южной жарой.

Я села на кровать, опустив ноги на ковер, и несколько минут просто смотрела в окно. На дворе стоял 1985 год. За стеклом колыхались тяжелые ветви дуба, густо покрытые ярко-зелеными листьями, и где-то в вышине отчаянно щебетали птицы. До летних каникул оставалось всего пара недель. Все мои одноклассники только об этом и говорили: они строили планы, собирались вместе гонять на велосипедах до темноты, ходить на речку и устраивать ночевки.

Я тоже ждала каникул, но совсем по другой причине. Для меня лето было единственной возможностью три месяца не видеть тех, кто каждый день превращал мою жизнь в кошмар. Три месяца тишины, пусть и в полном одиночестве.

Из кухни снизу доносился приглушенный стук посуды и тихий голос диктора из радиоприемника. Родители уже проснулись. Каждое мое утро начиналось с одного и того же чувства — тяжелого, огромного комка в животе. Я ужасно не хотела идти в школу, особенно сейчас, когда до финиша оставалось совсем чуть-чуть, а у моих обидчиков, казалось, открылось второе дыхание.

Я натянула легкие джинсы, желтую футболку и подошла к зеркалу, чтобы завязать волосы в два смешных хвоста. Из отражения на меня смотрела обычная девятилетняя девочка с огромными, немного грустными глазами. Мама всегда говорила, что я слишком ранимая. «Сара, мир устроен жестоко, — часто повторяла она. — Твоя вечная жалость ко всем подряд тебя погубит. Хватит витать в облаках, спустись на землю».

Но я не умела по-другому. Если я видела на улице голодного котенка, я не могла спокойно пройти мимо и отдавала ему свой школьный сэндвич. Если в классе кто-то плакал, мне искренне хотелось подойти и обнять этого человека. Одноклассники не понимали этого. Для них моя доброта была признаком слабости. Они считали меня странной, чужой, той самой девчонкой, над которой можно безнаказанно посмеяться.

Вздыхнув, я подхватила свой рюкзак и медленно пошла вниз по деревянной лестнице.

На кухне пахло поджаренными тостами, крепким кофе и беконом. Мама стояла у плиты спиной ко мне, поправляя фартук, а папа сидел за круглым деревянным столом. Он полностью скрылся за развернутым выпуском газеты *The Atlanta Journal*, из-за которой виднелись только его пальцы и дымящаяся чашка. Из радиоприемника тихо пела какая-то старая группа, но эту уютную майскую картину разрушало привычное молчание. Тяжелое и холодное.

— Доброе утро, — тихо сказала я, присаживаясь на край стула.

Папа даже не опустил газету, лишь глухо буркнул что-то себе под нос. Мама обернулась, окинула меня быстрым взглядом и поставила передо мной тарелку с сэндвичем.

— Сара, почему ты снова завязала эти дурацкие хвосты? — вздохнула она, садясь напротив и принимаясь за свой кофе. — Тебе девять лет, скоро средняя школа. Пора выглядеть серьезнее. И почему ты опять бледная? Снова не выспалась?

— Выспалась, — соврала я, ковыряя пальцем корочку хлеба. Аппетита не было совсем. Комок в животе стал еще больше.

— Мам... а можно я сегодня не пойду в школу? Голова немного кружится.

Папа резко опустил газету. Его строгие глаза посмотрели на меня поверх очков.

— Опять придумываешь, Сара? — его голос прозвучал жестко. — До каникул осталось две недели. Ты обязана доучиться. Или ты снова боишься идти туда из-за тех девчонок, которые отобрали у тебя заколки на прошлой неделе?

Я опустила голову, разглядывая узор на скатерти. Мои уши обожгло стыдом. На прошлой неделе три девочки из параллельного класса зажали меня у раздевалки и забрали мои красивые заколки с бабочками, которые мне подарила бабушка. Я не стала драться или звать на помощь. Мне просто было их... жаль. Я подумала, что если они ведут себя так зло, значит, их никто дома не любит.

— Я же говорил тебе, — папа снова повернулся к маме, раздраженно качнув головой. — Наша дочь абсолютно не умеет постоять за себя. Любой дурак в этой Атланте может вытереть об нее ноги, а она просто стоит и хлопает глазами. Из-за ее доброты ее сожрут в этой жизни.

— Сара, твой отец прав, — мягче, но так же холодно добавила мама. — Нельзя быть такой мягкотелой. Хватит плакать из-за каждого пустяка и раздавать свои вещи. Мир не крутится вокруг твоих фантазий. Стань наконец жестче. Соберись.

Они не понимали. Они думали, что я просто трусливая. Но я не была трусливой — я, я просто не умела ненавидеть в ответ.

Я молча поднялась со стула, так и не прикоснувшись к еде. Схватила рюкзак и побрела к выходу. Никто не пошел меня провожать. Захлопнув за собой тяжелую входную дверь, я выкатила с крыльца свой старый велосипед. Солнце Атланты уже пекло вовсю, но мне было холодно. Я поехала по асфальтированной дорожке в сторону школы, зная, что впереди меня ждет очередной круг ада.

Дорога до школы обычно занимала минут пятнадцать. Я крутила педали своего старого велосипеда, подставляя лицо теплему майскому ветру. Вокруг тянулись аккуратные зеленые лужайки перед одинаковыми деревянными домами, но у меня на душе было пасмурно.

Школа встретила меня привычным шумом, криками на парковке для автобусов и хлопанием металлических шкафчиков. В 1985 году все сходили с ума по кассетным плеерам, ярким значкам и новым кроссовкам, но у меня ничего этого не было. Я старалась проскользнуть по коридору незаметной тенью, прижимая к груди учебник истории.

Мой главный кошмар начался на уроке рисования. Нашим заданием было нарисовать то, что мы любим больше всего. Я с большим воодушевлением рисовала яркую поляну с цветами и бабочками. Рядом со мной сидел Билли Кин — высокий, веснушчатый мальчишка в джинсовой куртке, который считался главным задирой в нашем классе. Он лениво возил серым карандашом по бумаге, а когда учительница вышла из класса, резко вырвал мой рисунок.

— Эй, смотрите, что тут у нас! — громко крикнул Билли на весь кабинет, поднимая мой альбом вверх. — Наша святая Сара снова рисует свои глупые цветочки! Ты что, маленькая девочка? Может, тебе еще соску принести?

Вокруг раздалась смешки. Мои щеки мгновенно вспыхнули.

— Билли, пожалуйста, верни, — тихо попросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

— А то что? Поплачешься мамочке? — ухмыльнулся он. В этот момент к нему подошла его подружка, Бренда, девочка с пышным начесом и злыми глазами. Она демонстративно взяла с моей парты баночку с зеленой гуашью и, глядя мне прямо в глаза, перевернула её прямо на мой рисунок в руках Билли. Краска густым пятном расплзлась по бумаге, уничтожая мою работу.

— Ой, какая жалость, несчастный случай, — притворно вздохнула Бренда.

Внутри меня всё сжалось от обиды. Любой другой ребенок на моем месте швырнул бы в них учебником или побежал жаловаться. Но я посмотрела на Билли и Бренду и почувствовала... жалость. Я знала, что отец Билли часто кричит на него во дворе, а Бренда на просто хочет казаться крутой, потому что у нее нет настоящих друзей.

— Вам, наверное, очень одиноко, раз вы делаете это, — тихо, но отчетливо произнесла я.

Смех в классе мгновенно затих. Наступила глухая, звенящая тишина. Слова попали в цель, и Билли это взбесило. Его лицо пошло красными пятнами. Он скомкал мой испорченный рисунок и швырнул мне его в лицо.

— Ты ненормальная, Сара! Чокнутая! — злобно выплюнул он. — Слышишь? Ты просто слабачка, с которой даже поговорить нормально нельзя!

Когда прозвенел финальный звонок, объявляющий о начале каникул для старших классов и скором конце года для нас, все с криками выбежали во двор. Я выходила последней. На школьном дворе Билли и его компания снова караулили меня. Когда я проходила мимо, Билли с силой толкнул меня плечом. Я не удержалась на ногах и упала на колени прямо на жесткий асфальт.

— Увидимся в следующем году, страшила! — крикнул кто-то из толпы, и они со смехом убежали в сторону школьного автобуса.

Я поднялась, отряхивая джинсы. Колени больно саднили, а на левой штанине красовалась грязная дыра. Было больно.

Слезы, которые я сдерживала весь день, наконец-то прорвались наружу. Спотыкаясь, я добежала до своего велосипеда, вскочила на него и помчалась прочь от школы, не разбирая дороги.

Я крутила педали изо всех сил, желая только одного — исчезнуть. И в этот момент я свернула с главной асфальтированной дороги на старую, заброшенную тропинку, которая вела через густую рощу на окраине нашего пригорода...

Ветки диких магнолий и дубов хлестали меня по плечам, но я не сбавляла скорость. Колеса велосипеда вязли в мягкой лесной земле, пока я наконец не врезалась в поваленный ствол старого дерева. Я слетела на траву, даже не заметив новой боли в коленях, уткнулась лицом в ладони и просто разрыдалась. Весь этот бесконечный майский день, злые лица Бренды и Билли, равнодушие на домашней кухне — всё это навалилось одновременно. Мне хотелось стать невидимой.

Я плакала громко, навзрыд, зная, что в этой глуши меня никто не услышит. Я не понимала почему они такие жестокие. Но стоило мне на секунду замолчать, чтобы перевести дух, как из-под корней вывороченного дуба раздался странный звук.

Это был короткий, хриплый писк. Похожий на птичий, но более тяжелый.

Я замерла, вытирая лицо грязным рукавом. Звук повторился. Я на четвереньках ползла к глубокой яме, заросшей колючей ежевикой, и осторожно заглянула внутрь.

На самом дне, запутавшись задней лапой в сухих корнях, лежал щенок. Грязный и очень худой. Из его узкой мордочки торчали огромные пушистые уши — они казались слишком большими для такого крошечного тельца. Услышав мой шорох, он не зарычал и не попытался убежать. Он просто сжался в комок, прижал уши к голове и обреченно зажмурился, как будто я его сейчас ударю.

— Эй... тихо. Я тебя не обижу, — прошептала я.

Плвать на колючки, я потянулась вниз. Острые шипы ежевики больно полоснули по запястьям, но я аккуратно просунула ладони под его животик. Освободив лапу из капкана корней, я подняла его к себе и прижала к футболке. Он был холодным и весил не больше куска мыла.

Малыш перестал дрожать. Он медленно открыл глаза и уставился прямо на меня.

У меня перехватило дыхание. Его глаза были разными. Левый — темно-карий, почти черный. А правый — пронзительно-голубой, яркий, как летнее небо над Атлантой. В этом диковатом взгляде не было детской глупости. Он смотрел на меня так, словно понимал всё без слов. В его глазах было ровно столько же одиночества, сколько и в моих собственных. Без сомнений, я сразу поняла что заберею его с собой.

Почему-то посмотрев ему в глаза, мне захотелось назвать его Кай.

— Привет, Кай, — тихо сказала я, коснувшись пальцем его пушистого уха. — Теперь мы вместе. Я тебя здесь не оставлю.

ГЛАВА 2

Дорога от рощи до нашего дома заняла вечность. Вести велосипед одной рукой было жутко неудобно, но выпустить Кая я не могла. Я прижимала локтем к боку этот хрупкий комочек, спрятанный под подолом моей желтой футболки. Щенок сидел смиренно, только щекотал мне кожу своим быстрым дыханием и изредка вздрагивал от стука педалей. Его тепло странным образом успокаивало меня. Обида на Брендю и Билли отошла на второй план, уступая место новой, взрослой тревоге: что скажут родители? Наш дом стоял на окраине квартала пригорода Атланты. У крыльца уже был припаркован знакомый угловатый «Форд» отца. Я глубоко вздохнула, бросила велосипед прямо на траву у газона и, крепко прижимая щенка к груди, толкнула входную дверь. На кухне пахло жареным беконом и кофе. Мама мыла посуду, а папа сидел за столом и изучал свежий выпуск газеты. Когда я вошла, они оба одновременно повернули головы. Мама взглянула на меня, и её глаза округлились от ужаса. Я была растрёпанной, с заплаканным лицом, грязными коленями, а из моей футболки торчали огромные пушистые уши. — Господи, Сара! Это ещё что такое?! — вскрикнула мама, вытирая мокрые руки о полотенце. — Ты где так измазалась? И кого ты притащила в дом?!

Папа резко опустил газету, его брови нахмурились. Начался грандиозный семейный скандал. — Никаких бродячих собак в моем доме! — гремел отцовский голос, от которого, казалось, зазвенела посуда в шкафу. — Он же худой, беспородный, весь в грязи. А его взгляд? Сара, посмотри на его глаза! У него один глаз белый, он что, слепой или бешеный? Немедленно вынеси его на улицу. Завтра же отвезу его на другую окраину Атланты и оставлю там. Пусть живёт на свалке, где ему и место! Услышав слово «выбросить», во мне будто что-то переключилось. Весь мой вечный страх, из-за которого я покорно молчала перед задирами в классе, мгновенно испарился. Я прижала Кая к себе ещё сильнее, упала прямо на колени посреди кухни и закричала сквозь новые слёзы, но мой голос больше не дрожал:

— Не отдам! Если вы выбросите его, я уйду вместе с ним! Буду жить в лесу, на улице, где угодно! Вы каждое утро говорите мне, что я должна быть жестче? Так вот, я защищаю своего друга и ни за что его не отдам!

На кухне наступила мёртвая тишина. Радиоприемник тихо бормотал какую-то ретро-мелодию, но мы её не слышали. Мама испуганно прикрыла рот ладонью, а папа долго смотрел на меня поверх своих очков. Они никогда не видели меня такой. Спокойная, безответная девятилетняя Сара, которая всегда молча терпела издевательства, впервые в жизни устроила настоящий бунт ради грязной дворняги.

Папа тяжело вздохнул и раздраженно махнул рукой.

— Ладно! — выплюнул он, демонстративно отворачиваясь к окну. — Но если эта псина испортит хоть одну вещь в доме — она вылетит отсюда без возможности вернуться. Занимайся им сама.

Когда папа раздраженно махнул рукой и ушел в свой кабинет, я выдохнула. Но радоваться было рано: Кай был жутко грязным, от него пахло мокрой землей, тиной и старыми листьями. Мама заявила, что не пустит его в гостиную, пока от него отваливаются куски засохшей глины, поэтому я на руках понесла его в ванную.

Сцену нашего первого купания просто нужно было видеть. Стоило мне опустить Кая в белую чугунную ванну и включить теплую воду, как его пушистые уши испуганно прижались к голове. Он замер, превратившись в несчастный, дрожащий серый комочек, и посмотрел на меня своим голубым глазом с такой обидой, будто я предала нашу дружбу.

— Тихо, маленький, это просто водичка, — приговаривала я, намыливая его старым детским шампунем с запахом ромашки.

Но стоило мне отвернуться за полотенцем, как Кай решил, что с него хватит. Пёс резко встряхнулся со всей силы. В разные стороны полетели миллионы мыльных брызг и ключья грязной пены. Через секунду мыльная пена была везде: на зеркале, на потолке, на маминых чистых халатах и, конечно же, на мне. Я стояла мокрая с головы до ног, с мыльным потоком на носу, и просто ошарашенно смотрела на щенка. А Кай, довольный своей проказой, весело тявкнул, попытался поймать зубами струю воды из крана и со скользким звуком шлепнулся на живот, подняв еще одну тучу брызг.

Я не выдержала и громко рассмеялась. На мой смех в ванную заглянула мама. Она собиралась отчитать нас за беспорядок, но, увидав меня, облепленную пеной, и мокрого разноглазого Кая, который упрямо грыз край ванны, вдруг тепло и тихо улыбнулась.

Кое-как вытерев пса старой папиной простыней, я вынесла его в коридор. Кай стал чистым, пушистым, его серая шерсть посветлела, а пах он теперь не болотом, а ромашковым полем. Он смешно скользил лапами по линолеуму, привыкая к чистоте, и я была очень счастлива.

Мы победили. Мы остались вместе. Но папа как в воду глядел — Кай действительно оказался ходячим стихийным бедствием.

Дрессировке он не поддавался вообще. Слово «нельзя» для него просто не существовало. Точно также как и «фу». В первые же недели совместной жизни Кай умудрился перепутать дорожкой ковер в гостиной с лужайкой и оставил там три огромные лужи. Мама кричала так, что закладывало уши. Через день Кай добрался до её любимых выходных туфель и превратил их каблуки в труху. Но самым главным его врагом — и одновременно главной любовью — стали папины тапки...

Стоило отцу вечером прийти с работы и разуться в прихожей, как Кай материализовывался из воздуха. Его пушистые уши забавно прижимались к голове, он бесшумно хватал зубами один тапок и на огромной скорости уносил его под мою кровать. Достать его оттуда было невозможно — Кай ложился на добычу животом, тихо, предупреждающе ворчал и ни за что не отдавал трофей. Папа ходил по дому в одном носке, громко чертыхался и обещал сдать пса в приют, но Кай только пронзительно смотрел на него своим голубым глазом из-под кровати. В конце концов папа просто махнул рукой и купил себе новую пару. С тех пор так и повелось: у отца всегда был один запасной тапок под моей кроватью.

Первые две недели превратили наш тихий дом в зону стихийного бедствия, а мамино терпение — в натянутую струну. Кай оказался невероятно изобретательным хулиганом. Он искренне не понимал, почему грызть ножку дубового стула — это преступление, а спать на маминой диванной подушке из индийского шелка — запрещено.

Проснувшись на третье утро, я вышла в коридор и замерла. Из гостиной доносился странный хруст. Я заглянула туда и затаила дыхание: Кай сидел посреди комнаты, окруженный белым пушистым облаком. Он умудрился разорвать мамину любимую перьевую подушку и теперь с азартом ловил зубами летающие по воздуху перья. Одно перо забавно прилипло к его мокрому носу, и пёс косоглазил на него своим ледяным голубым глазом.

— Кай, нет! — прошептала я, хватаясь за голову. — Тебе конец!

В эту секунду в гостиную вошла мама. Она открыла рот, перевела взгляд с кружащихся перьев на щенка, и в доме раздался крик, от которого, кажется, содрогнулся весь наш квартал в Атланте. Кай испуганно тявкнул, подпрыгнул на месте и, смешно скользя лапами по паркету, бросился искать спасения за моей спиной. Он прижал свои большие уши и тихонько поскуливал, пока мама, размахивая руками, отчитывала нас обоих.

Папе тоже досталось. На следующий день Кай совершил свое самое дерзкое преступление. Папа пришел с работы уставший, сбросил в прихожей свои новые дорогие туфли из воловьей кожи, в которых ходил на важные совещания, и ушел ужинать. Каю хватило ровно пяти

минут одиночества. Когда папа вернулся в прихожую, левая туфля была полностью лишена шнурков, а ее носок превратился в бахрому.

Папа замер. Его лицо медленно становилось цвета спелого томата. Он грозно повернулся ко мне:

— Сара! Твой дикий волк уничтожил мою обувь! Всё, моё терпение лопнуло, завтра я сдаю его в приют!

Я снова заплакала, загородив собой Кая, который в этот момент с абсолютно невинным видом грыз папину газету. Нам стоило огромных трудов уговорить отца остыть. Маме пришлось пообещать, что она зашьет туфлю, а я поклялась, что буду следить за каждым шагом щенка. Именно после этого случая папа спрятал всю обувь в шкаф, оставив в прихожей только свои старые кожаные тапки. Он и подумать не мог, что Кай объявит на эти тапки настоящую еженедельную охоту!

Несмотря на все эти проказы, я была счастлива. Мой страх перед возвращением из школы домой исчез. Теперь, открывая входную дверь, я знала, что по паркету обязательно раздастся весёлый шлепок маленьких лап, и ко мне выбежит пушистый комок. Кай прыгал, пытался лизать мои содранные колени и крутился волчком, путаясь в собственных длинных ушах. Наступал июнь 1985 года. Впереди были три долгих месяца летних каникул. Мои одноклассники разъезжались по лагерям или собирались компаниями на речке. Обидчики больше не могли до меня добраться.

Кай всё ещё был маленьким, худым и очень глупым щенком, который забавно таякал на собственное отражение в зеркале и падал, если бежал слишком быстро. Но засыпая на полу моей комнаты и чувствуя, как он сопит, уткнувшись носом в мою ладонь, я понимала: это лето в Атланте будет самым лучшим в моей жизни.

ГЛАВА 3

Июнь ворвался в пригород Атланты оглушительным стрекотом цикад и удушливой, густой жарой, от которой асфальт на нашей улице становился мягким, как пластилин. Но для меня это лето 1985 года было особенным. Впервые в жизни я просыпалась не с огромным комком страха в животе, а с бьющим через край нетерпением. Каждое мое утро теперь начиналось одинаково: я открывала глаза, свешивала руку с кровати и мгновенно натыкалась ладонью на пушистые, торчащие в стороны уши Кая. Он спал строго у моей кровати, карауля мой сон, словно это была его самая главная в жизни миссия.

За этот первый летний месяц Кай заметно изменился. Он перестал быть тем крошечным комочком, которого я вытащила из ямы. Пёс стремительно рос, но рос как-то смешно и неравномерно, как все щенки-подростки. Его лапы вытянулись, стали длинными, толстыми и жутко неуклюжими. Когда Кай радовался и бежал мне навстречу по скользкому линолеуму на кухне, его заносило на поворотах, зад обогонял голову, и он с глухим стуком врезался в холодильник, после чего виновато отряхивался и смотрел на меня своими пронзительными глазами, будто это холодильник сам на него напал.

Родители по-прежнему делали вид, что недовольны присутствием собаки в доме, но я видела, что лед потихоньку тает. Мама больше не кричала, когда Кай раз в неделю всё же умудрялся пробраться в прихожую и утащить папин тапок под мою кровать. Это стало нашей семейной традицией. Папа, приходя с работы, теперь даже не ругался. Он просто вздыхал, разувался, шёл в мою комнату, наклонялся и говорил в темноту под кроватью: «Ладно, чудище разноглазое, держи его до утра, только не сгрызи совсем». В ответ из-под кровати раздавалось довольное, утробное ворчание.

Всё лето мы с Каем были неразлучны. Пока мои одноклассники плавали в общественном бассейне Атланты и ели клубничное мороженое большими компаниями, моим целым миром был этот длинноногий пёс. Мы уходили в ту самую заброшенную рощу, где нашли друг друга. Там, среди вековых дубов и диких зарослей, мы построили настоящее убежище. Я притащила туда старые доски, ветки и устроила под раскидистой магнолией что-то вроде шалаша. Кай помогал мне как мог. Он хватал зубами огромные ветки, которые были в три раза длиннее его самого, пятился назад, спотыкался, падал, но упрямо тащил их к нашему лагерю. Он абсолютно не понимал стандартных команд вроде «принеси» или «ко мне», которые папа иногда пытался на него кричать во дворе. Но со мной у него была другая, бессловесная связь. Стоило мне просто тихонько хлопнуть себя по бедру, и Кай, где бы он ни находился, тут же бросал погоню за белками, мчался ко мне, сбивая лапами сухие листья, и садился рядом, преданно заглядывая мне в лицо своими разными глазами.

Мы часами сидели в нашем шалаше. Я читала вслух приключенческие книжки, которые брала в библиотеке, а Кай лежал, положив свою крупную голову мне на колени, и внимательно слушал, изредка шевеля своими пушистыми ушами. Когда на Атланту обрушивались внезапные, тяжелые летние ливни, мы прятались под густой кроной магнолии. Вода с шумом стекала по плотным зеленым листьям, вокруг пахло озоном и мокрой землей, а нам в нашем укрытии было тепло и сухо. Я обнимала его за шею, вдыхая запах его мокрой шерсти, и думала о том, что мне больше никто не нужен. У меня был друг. Настоящий. Тот, который никогда не посмеется над моей добротой...

Это случилось в середине июля, когда жара в Атланте достигла своего пика. В тот день мы, как обычно, пошли в нашу рощу. Кай весело бежал впереди, вынюхивая что-то в густой траве, как вдруг из зарослей раздался его пронзительный, полный боли визг. Он никогда так не кричал.

Я бросилась к нему и похолодела от ужаса. Кай сидел на траве, поджав заднюю правую лапу, а из неё хлестала темная кровь. Какой-то подонок выбросил в лесу разбитую стеклянную бутылку, и мой глупый пёс со всего размаху наступил на острый осколок. Рана была глубокой, Кай дрожал всем телом и испуганно скулил, пытаясь зализать порез.

Я со слезами на глазах сорвала с головы свою любимую панамку, намотала её на лапу Кая, пытаясь остановить кровь, и подхватила его на руки. Он уже весил прилично, но в тот момент я даже не почувствовала веса. Я бежала к дому так быстро, как только могла, задыхаясь от плача и умоляя его потерпеть.

Когда я ворвалась во двор, папа чинил машину. Увидев меня в слезах и Кая в крови, он бросил инструменты, мгновенно распахнул заднюю дверь своего «Форда» и крикнул: «Быстро внутрь!». Папа гнал машину по улицам Атланты так, что шины свистели на поворотах. Всю дорогу я сидела на заднем сиденье, прижав голову Кая к своим коленям. Я гладила его по пушистым ушам и шептала: «Пожалуйста, живи, мальчик мой, не умирай». Он тихонько ворчал и преданно смотрел на меня своим карим глазом, будто доверял мне свою жизнь на все сто процентов.

В ветеринарной клинике нас встретил добрый доктор в белом халате. Меня не хотели пускать в операционную, но я вцепилась в дверной косяк и закричала, что не оставлю своего друга. Доктор вздохнул и разрешил мне остаться. Я держала Кая за передние лапы и смотрела ему прямо в глаза, пока врач аккуратно накладывал швы. Кай ни разу не укусил доктора, он только крепко зажмурился своей ледяной голубой глаз и тихо хрипел, когда игла протыкала кожу.

Когда всё закончилось и лапу Кая обмотали белым чистым бинтом, доктор подошел ко мне, вытер пот со лба и сказал:

— Ты очень смелая девочка. Из тебя вышел бы потрясающий ветеринар. Ты спасла ему лапу. Если бы принесла на час позже, он бы остался хромым на всю жизнь.

Именно в тот душный июльский день, сидя на полу ветклиники и обнимая забинтованного Кая, я впервые твердо поняла, кем стану, когда вырасту. Я решила, что свяжу свою жизнь с помощью животным. Глядя на своего пса, я осознала, что хочу спасать такие же незащищенные души, какой когда-то был он сам. Старая травма лапы потом еще напомнит о себе на старости лет, но в тот день мы победили.

Рана на лапе Кая заживала быстро, но до конца лета бегать ему было нельзя. В начале августа случилась история, которая заставила моих родителей навсегда замолчать и окончательно признать, что Кай — полноценный член нашей семьи.

Стояла душная, ленивая суббота. Мама развешивала белье на заднем дворе нашего дома, папа копался на грядках с томатами, а я сидела на крыльце и читала книгу. Крупный, длинноногий шестимесячный Кай лежал у моих ног, лениво помахивая хвостом и подергивая пушистыми ушами.

Вдруг пес резко вскинул голову. Его серебристый заливоч мгновенно встал дыбом, а из пасти вырвался такой страшный, низкий рык, какого я от него еще не слышала. Кай сорвался с места и на трех лапах, прихрамывая, понесся через весь газон прямо к маме.

— Кай, фу! Назад! — закричал папа с грядки, но пес проигнорировал команду.

Мама испуганно обернулась, держа в руках мокрую простыню. В паре шагов от ее босой ноги, среди густой травы у забора, свернувшись кольцом, лежала крупная ядовитая змея — медноголовый щитомордник, который приполз из лесной рощи, спасаясь от жары. Змея уже приподняла голову, готовясь к броску. Мама замерла от ужаса, не в силах даже закричать.

Кай врезался в это пространство между мамой и змеей, словно живой щит. Наш глупый, нескладный щенок в одну секунду превратился в свирепого защитника. Змея сделала молниеносный выпад, но Кай успел увернуться. Он действовал по какому-то древнему волчьему

инстинкту: громко лая, он начал кружить вокруг щитомордника, делая быстрые обманные движения лапами и не подпуская гадину к маме ни на сантиметр.

Папа уже бежал через двор с тяжелой лопатой в руках, но Кай справился сам. Поймав момент, пес резко выпрямился, сделал выпад и мощными зубами перекусил змею пополам, отбросив ее в сторону.

На дворе воцарилась тишина. Мама без сил опустилась прямо на траву, тяжело дыша. Папа подбежал, бросил лопату и первым делом упал на колени перед Каем. Он бережно осмотрел его морду и лапы: «Цел... Слава богу, цел, не успела цапнуть». Папа поднял голову, посмотрел на меня, потом на маму и впервые в жизни крепко, до хруста костей обнял нашего серого разноглазого пса за шею.

— Ну и ну, парень... — прошептал папа, и его голос сорвался. — Спасибо тебе. Ты настоящий защитник.

Вечером того же дня Кай получил от мамы самый лучший кусок сочного стейка, который изначально готовился для папы. Пёс лежал посреди кухни, с удовольствием грыз угощение, а его правый ледяной голубой глаз победно поблескивал в полумраке. Никто в нашем доме больше никогда не называл его «бешеной дворнягой».

В середине июля жара стала совсем невыносимой. Птицы затихли, прячась в густых кронах деревьев, а воздух в Атланте казался тягучим, как сироп. Единственным спасением была небольшая лесная речка на самом краю рощи. Вода там всегда оставалась прохладной из-за подземных ключей.

Мы с Каем ходили туда почти каждый день. Я садилась на деревянный мостик, опустив ноги в воду, и смотрела, как Кай пытается поймать шустрых речных мальков. Водоплавающей собакой он точно не был. Каждый раз, когда его лапа проваливалась чуть глубже в ил, он испуганно отпрыгивал назад, поднимая тучи брызг, и смешно чихал. Его длинные пушистые уши после таких купаний свисали вниз, как две мокрые тряпки, а сам он становился похож на ободранного волка.

Но именно на этой речке я впервые увидела, на что способен этот пёс ради меня. В один из дней я решила доплыть до небольшого песчаного островка посреди русла. Глубина там была мне по грудь — ничего опасного. Но стоило мне зайти в воду и поплыть, как на берегу началась настоящая паника. Кай, который до этого панически боялся глубины, заметался на мостике. Он хрипло, отчаянно заскулил. Для его собачьего разума это выглядело так, будто его человека затягивает опасная пучина. Я обернулась и крикнула: «Кай, всё хорошо! Я просто плыву!». Но он не слушал. Забыв про весь свой страх перед водой, этот полугодовалый длинноногий подросток с разбегу прыгнул в реку. Он отчаянно молотил передними лапами, поднимая фонтаны пены, уходя под воду по самый нос и шумно фыркая. Кай доплыл до меня в считанные секунды. Он вцепился зубами в край моей мокрой желтой футболки и изо всех сил, хрипя и захлебываясь, потащил меня обратно к берегу.

Когда мои ноги коснулись мелководья, Кай вылез на песок, упал без сил и тяжело задыхался. Его разноцветные глаза смотрели на меня с такой дикой, сумасшедшей тревогой, что у меня сжалось сердце. Он рискнул жизнью, прыгнув туда, чего боялся больше всего, просто потому, что подумал, будто мне грозит опасность. Я легла рядом с ним на горячий песок, обняла его мокрую, пахнущую реной тиной шею и долго шептала, что я в безопасности.

Конец лета приближался неумолимо. В августе по утрам на траву начал ложиться густой, прохладный туман, а листья на дубах тронула первая едва заметная желтизна. Вместе с прохладой вернулся и мой старый кошмар. До начала учебного года оставалась неделя. Мама уже купила мне новые школьные тетради и серое строгое платье, которое я возненавидела с первого взгляда.

За это лето Кай превратился из нескладного щенка в крепкого, поджарого пса-подростка. Он уже доставал мне головой до пояса. Его пронзительный взгляд разных глаз стал более осо-

знанным и глубоким. Он всё так же игнорировал любые команды отца, но стоило мне просто нахмуриться или тихо вздохнуть, как Кай мгновенно оказывался рядом.

В самый последний день августа мы сидели в нашем шалаше под магнолией. Я перебирала пальцами его густую шерсть на загривке и тихо плакала, зная, что завтра мне снова придется идти в класс, где меня ждут Бренда, Билли и другие задиры. Я больше не была той безответной девочкой, Кай научил меня упрямству. Но страх перед человеческой жестокостью всё равно никуда не делся. Кай словно почувствовал мою дрожь. Он поднял голову, посмотрел на меня своим ледяным голубым глазом и тихо, утробно зарычал в сторону тропинки, ведущей к школе. Как будто давал клятву, что этот учебный год будет совсем другим.

ГЛАВА 4

Первое сентября встретило пригород Атланты прохладным утренним ветром, который лениво гонял по асфальту первые сухие листья дуба.

Последняя неделя августа пролетела как один миг, оставив после себя горькое послевкусие. Школьный шопинг, который все мои одноклассницы так любили, для меня превратился в настоящую пытку. Мы с мамой поехали в крупный торговый центр в центре Атланты. Вокруг сустились весёлые дети, выбирая яркие рюкзаки и цветные ручки, а я стояла перед полками с канцелярскими товарами и чувствовала, как к горлу подступает привычный липкий ком. Мама купила мне плотные тетради в строгих серых обложках и то самое новое серое платье, которое кололо шею и пахло магазинной крахмальной свежестью. Я смотрела на него и видела в нём свою будущую тюрьму на ближайшие девять месяцев.

Дома Кай всё понял без слов. Стоило мне разложить на кровати новые школьные учебники, как пёс подошёл, аккуратно понюхал обложку книги по математике и тихо, тоскливо вздохнул. Весь вечер он отказывался от еды и не реагировал на любимые игрушки. Кай просто лёг на пол, положив свою крупную серебристую голову прямо поверх моего нового рюкзака, и преданно смотрел на меня своими разными глазами. Его ледяной голубой глаз в полумраке комнаты казался полным немого укора, словно он спрашивал: «Ты правда оставишь меня здесь одного?». Я опустилась к нему на ковёр, обняла за шею и долго шептала, что школа — это всего лишь на несколько часов в день.

И вот этот день настал. Будильник пронзительно зазвенел в шесть утра, разбивая вдребезги мои последние иллюзии о вечном лете. Мама уже сустилась на кухне, по дому разносился запах поджаренных тостов.

На мне было то самое новое серое платье, которое купила мама. Оно кололо шею и казалось мне ужасно неудобным, но спорить дома я не решилась. Позавтракав в привычном молчании под бубнеж радиоприемника, я подхватила свой рюкзак и пошла к выходу. Кай ждал меня у двери. Он стоял, напряженно замерев, его большие пушистые уши были разведены в стороны, а разноцветные глаза смотрели на меня с недетской тревогой. Он чувствовал моё настроение. Пёс попытался ткнуться мокрым носом мне в ладонь, но я тихо вздохнула: «Нельзя, Кай. Дома сиди. Мне нужно в школу». Он тихо, недовольно заскулил, но остался стоять в прихожей, провожая меня своим ледяным голубым взглядом сквозь стекло двери.

Школа за три месяца летних каникул ничуть не изменилась. Тот же оглушительный гул в коридорах, хлопанье металлических шкафчиков и крики парней на заднем дворе. Я надеялась, что за лето про меня все забыли, но надежда рухнула на первом же перерыве.

Я сидела на деревянной лавке на школьном дворе под раскидистым кленом, пытаюсь повторить параграф по истории. Вдруг тень перекрыла мне солнечный свет. Я подняла голову. Передо мной стоял Билли Кин. За лето он вытянулся, стал еще шире в плечах, а на его лице прибавилось веснушек. Рядом с ним, победно скрестив руки на груди, стояла Бренда с огромным лакированным начесом на голове.

— О, смотрите-ка, наша чокнутая Сара вернулась! — громко, чтобы все слышали, ухмыльнулся Билли. — И платье какое нацепила. Ты что, в монахини записалась?

— Привет, Билли. Привет, Бренда, — тихо сказала я, закрывая учебник. Внутри меня всё сжалось от привычного страха, но я заставила себя смотреть им прямо в глаза.

— Слышь, слабачка, у тебя за лето язык отрос? Ты в себя поверила? — Бренда сделала шаг вперед и резко вырвала у меня из рук учебник истории, швырнув его прямо в пыль под ноги. — Мы тут с Билли решили, что в этом году ты будешь носить за нас рюкзаки. Поняла? А если пикнешь — твои тетрадки снова окажутся в мусорном баке.

Вокруг начали собираться другие ребята, предвкушая бесплатное зрелище. Мои уши горели от стыда и обиды. Я наклонилась, чтобы поднять испачканную книгу, но Билли наступил на нее своим тяжелым кроссовком.

— Ну и чего ты молчишь? Поплачь, давай! Нам скучно! — крикнул он и с силой толкнул меня в плечо.

Я не удержалась и отлетела назад, больно ударившись спиной о ствол клена. Слезы подступили к горлу, я зажмурилась, приготовившись к самому худшему.

И вдруг весь школьный двор мгновенно затих. Смешки прекратились. Бренда испуганно пискнула и попятилась назад. Я открыла глаза и у меня перехватило дыхание.

Из-за угла школьного здания, медленно и бесшумно, выходила огромная серая тень. Это был Кай. Он как-то сбежал со двора нашего дома и по запаху нашел мою школу. За это лето он вырос в крупного, поджарого пса, похожего на дикого волка. На его загривке дыбом стояла густая шерсть. Но самым страшным были его глаза. В лучах сентябрьского солнца его правый, голубой глаз казался абсолютно прозрачным, ледяным и безумным.

Кай не лаял. Он шел молча, низко опустив крупную голову к земле. Из его приоткрытой пасти доносился такой жуткий, низкий и вибрирующий рык, от которого у меня самой побежали мурашки по коже. Пёс проигнорировал всю толпу детей и встал ровно между мной и Билли.

Билли замер на месте, боясь пошевелиться. Его веснушчатое лицо в одну секунду стало мертвенно-белым. Огромный пес-волк стоял в полушаге от него, и его разноцветные глаза были устремлены прямо в лицо задиры. Кай медленно сморщил нос, обнажая крупные, острые белые клыки, с которых на сухую траву капнула слюна.

— С-Сара... — заикаясь, прошептал Билли, медленно поднимая руки вверх. — Забери... забери собаку. Пожалуйста.

Кай сделал еще один микроскопический шаг вперед, и его рык стал еще глубже. Он не собирался кусать, он просто показывал, что сотрет любого, кто посмеет сделать мне больно. Это была чистая, первобытная защита.

— Кай, ко мне, — тихо, почти шепотом сказала я.

Я не кричала команд. Но Кай мгновенно услышал мой голос. Его рык прекратился. Он медленно обернулся, его пушистые уши мягко опустились, а ледяной взгляд сменился на теплый и преданный. Пёс подошел ко мне, сел рядом и положил свою тяжелую голову мне на содранное колено, закрывая своим телом мое серое платье.

Толпа детей с криками бросилась врассыпную к дверям школы. Билли и Бренда бежали первыми, спотыкаясь на ходу и даже не оглядываясь назад. Я сидела на лавке, обнимая Кая за его мощную шею, и плакала — но впервые в жизни это были слезы абсолютного триумфа и счастья. Я смотрела на пустой школьный двор и понимала: Бренда, Билли и все остальные задиры в этой Атланте больше никогда, ни в один из дней моей жизни, не посмеют подойти ко мне со злом. Мой ангел-хранитель с разными глазами был здесь. И он был навсегда моим самым верным другом.

ГЛАВА 5

Дома меня ждал грандиозный разбор полетов. Как оказалось, Кай не просто удрал — он перемахнул через высокий деревянный забор заднего двора, который папа всегда считал непреодолимым для собак, и прорыл подкоп под калиткой. Мама, обнаружив пустой двор и развороченную землю, едва не сошла с ума от страха.

Когда мы с Каем зашагали по нашей подъездной дорожке, папа уже стоял на крыльце, скрестив руки на груди. Его лицо не предвещало ничего хорошего.

— Это переходит все границы, Сара! — папа так сильно хлопнул ладонью по перилам, что Кай мгновенно задвинул меня себе за спину и тихонько заворчал. — Твоя собака устроила подкоп! Она сорвала уроки в школе! Мне уже звонил директор Джонсон и спрашивал, почему по его школьному двору разгуливает огромный пёс! Если это повторится, я лично отвезу его в окружной приют, и мне плевать на твои слезы!

Я молча опустила голову. Спорить было бесполезно. Но когда папа ушел в свой кабинет, а мама ушла на кухню, я заметила, что папа так и не притронулся к своему тапку, который Кай привычным движением тут же утанул под мою кровать. Отец просто сделал вид, что ничего не заметил. Лёд продолжал таять, хоть родители и не хотели в этом признаваться.

На следующий день в школе всё изменилось кардинально. Когда я шла по коридору, ребята из параллельных классов буквально вжимались в стены, уступая мне дорогу. Бренда и Билли Кин вообще притворились, что мы незнакомы. Билли теперь сидел на уроках тише воды, ниже травы, и больше ни разу не посмел притронуться к моим вещам или учебникам. Мой страх исчез навсегда. Меня больше не задирали. Но вместе со страхом пришло странное чувство: теперь меня не просто считали странной, меня стали бояться. А страх — это плохой фундамент для дружбы. Я по-прежнему оставалась одна на школьных переменах.

Всё изменилось в середине октября. Погода в Атланте испортилась, зарядили затяжные осенние дожди, а порывистый ветер срывал с дубов последнюю пожухлую листву. После уроков я сидела на автобусной остановке у школы, кутаясь в теплую куртку и дожидаясь, пока дождь немного утихнет, чтобы доехать до дома на велосипеде.

Рядом со мной на лавке сидел Тоби — тихий, худенький мальчик из моего класса. Он перевелся в нашу школу всего пару недель назад, носил огромные нелепые очки в толстой роговой оправе и вечно молчал. Его тоже никто не замечал. Тоби испуганно шмыгал носом, потому что забыл дома зонт, а его легкая ветровка совсем промокла.

Моя вечная доброта, которую папа называл моей главной слабостью, снова дала о себе знать. Я не могла на это смотреть.

— Эй, Тоби, — тихо позвала я, доставая из рюкзака запасной теплый шарф, который мне утром насильно повязала мама. — Надень. Ты же совсем замерз.

Мальчик вздрогнул, испуганно посмотрел на меня сквозь свои толстые линзы, словно ожидал подвоха. Сентябрьскую историю с Каем видели все, и Тоби, наверное, думал, что я сейчас натравлю на него своего пса.

— Мне... мне нельзя, спасибо, — пробормотал он, вжимая голову в плечи.

— Бери, глупый. Мне не холодно, — я мягко улыбнулась и силой накинула шерстяной шарф ему на шею. — И вот, держи. Это сэндвич с индейкой. Я все равно его не съем.

Тоби уставился на бутерброд, потом на меня. Его плечи постепенно расслабились. Он аккуратно взял еду, откусил кусочек и тихо, очень искренне произнес:

— Спасибо, Сара. Ты... ты совсем не такая злая, как про тебя говорят в школе.

В этот момент из-за кустов на автобусную остановку выскочил Кай. Он снова прибежал меня встречать, весь мокрый, пахнувший дождем и лесной землей. Тоби в ужасе замер, выронив сэндвич. Но Кай даже не подумал рычать. Он подошел, обнюхал кроссовки Тоби, а затем...

лениво положил свою огромную мокрую морду мальчику прямо на колени, преданно заглянув ему в лицо своим теплым карим глазом.

Тоби затаил дыхание, а потом несмело, дрожащей рукой коснулся пушистого уха Кая и слегка почесал его. Пёс довольно зажмурился.

— Вау, — прошептал Тоби, и на его лице впервые появилась широкая улыбка. — У него правда разные глаза. Он невероятный.

Я смотрела на них и чувствовала, как внутри разливается долгожданное тепло. Моя доброта больше не губила меня. Наоборот, благодаря ей и моему верному разноглазому псу, у меня наконец-то появился первый в жизни настоящий друг-человек.

С того дня на остановке Тоби стал часто приходиться к нам в рощу. Но в конце октября наше первое совместное трио едва не обернулось трагедией. Погода в Атланте окончательно испортилась, небо заволочло свинцовыми тучами, а по лесу гулял сырой, пронизывающий ветер.

Мы втроем сидели в нашем шалаше под магнолией. Кай лениво грыз какую-то палку, как вдруг на опушке леса мелькнул пушистый рыжий хвост — дикая лесная лиса. В Кая мгновенно проснулся инстинкт охотника. Он резко вскочил, его пушистые уши прижались к голове, и он с глухим лаем рванул в самую чащу.

— Кай, стой! Нельзя! — закричала я, бросаясь следом, но серый силуэт пса уже растворился среди деревьев.

Буквально через пять минут небо потемнело, и на Атланту обрушился жуткий, стеной идущий осенний ливень. Лес в секунду превратился в сплошной темный лабиринт. Темнело стремительно. Мы с Тоби бегали по скользким, размокшим от грязи тропинкам, промокшие до нитки. Вода заливала Тоби очки, он постоянно протирал их грязными пальцами, но упрямо шел за мной.

Мы искали его три часа. Фонарик в моих руках еле горел, я срывала голос, крича: «Кай! Ко мне!». Но ответом был только гул штормового ветра и шум падающей воды. В какой-то момент я споткнулась о корягу и упала прямо в грязную лужу. Силы покинули меня. Я сидела в грязи, поджав колени, и громко, отчаянно рыдала. Мне казалось, что мой маленький, глупый Кай замерзнет в этом огромном ночном лесу или попадет под машину на шоссе.

Тоби опустился рядом со мной прямо под проливной дождь. Он крепко обнял меня за плечи, согревая своим теплом, и твердо сказал:

— Сара, слышишь меня? Мы найдем его. Я обещаю тебе. Он не бросит тебя. Давай, еще один раз, позови его вместе со мной.

Мы поднялись. Набрав в легкие побольше холодного воздуха, мы одновременно закричали его имя в темноту.

И вдруг сквозь шум ливня послышался слабый, хриплый хруст веток. Из темноты зарослей, пошатываясь от усталости, по колено в грязи, вышел Кай. Его левый карий глаз испуганно моргал, а правый голубой светился в луче фонарика как маленькая луна. Он весь дрожал, а заднюю лапу поджимал — видимо, ушиб ее в темноте.

Я с диким криком бросилась к нему, упала на мокрую землю и сжала его в объятиях. Кай уткнулся мокрым носом мне в шею и тихо, виновато заскулил, словно просил прощения за свой побег. Тоби стоял рядом, тяжело дыша, и на его мокром лице светилась самая добрая улыбка. В ту ночь, возвращаясь домой под одним курткой на двоих и ведя хромого Кая, я поняла, что Тоби — это человек, который пойдет за мной даже в самый страшный шторм.

А в январе 1986 года на штат Джорджия обрушился редкий для этих мест сильный снегопад. За одну ночь пригород Атланты превратился в сказочное белое королевство: пушистый снег укрыл дороги, а вековые дубы нарядились в тяжелые шапки. Занятия в школе отменили из-за гололедицы, и для меня это был лучший подарок.

Папа достал из гаража мои старые деревянные санки с красными полозьями, на которых я каталась ещё в раннем детстве. Стоило нам выкатить их на задний двор, как десятимесячный Кай пришел в полный восторг. Снег пробудил в нём какие-то древние северные инстинкты — этот серебристый пёс носился по сугробам, забавно нырял носом в пушистые хлопья и чихал от холода.

Папа ради шутки привязал к санкам прочную брезентовую веревку и закрепил её на груди Кая как настоящую упряжку.

— Ну-ка, капитан, катай хозяйку! — весело скомандовал папа.

Я уселась на санки, крепко вцепившись в борта, и тихонько свистнула. Кай мгновенно обернулся, его пушистые уши встали торчком. Поняв задачу без всяких дрессировок, он мощно рванул вперед своими длинными лапами. Санки со свистом полетели по заснеженной дорожке! Кай бежал со всей силы, его хвост победно развевался на ветру, а из-под лап в моё лицо летели весёлые искры снега. Я громко, счастливо хохотала на весь двор, а Кай, слыша мой смех, лаял от радости и бежал еще быстрее.

Даже мама вышла на крыльцо в теплом шарфе, забыв про все свои кастрюли, и с улыбкой смотрела, как огромный серый пёс катает меня по кругу. Когда мы наконец остановились, уставший и довольный Кай со всего размаху повалился прямо в сугроб рядом с санками. Из его пасти шел густой пар, его правый ледяной голубой глаз счастливо блестел, а пушистые уши были полностью в белом инее. Я упала прямо на него, обняла за теплую пушистую шею и уткнулась носом в его серебристый загривок. Это была наша первая общая зима, и благодаря Каю она стала самой волшебной.

ГЛАВА 6

Время летело с бешеной скоростью, перелистывая страницы нашей жизни, словно порывы осеннего ветра в лесах Атланты. Наступил 1990 год. Мне исполнилось четырнадцать. Из угловатой, забитой девятилетней девочки я постепенно превращалась в девушку, но внутри оставалась всё той же Сарой — ранимой, упрямой и не умеющей отвечать злом на жестокость. Вот только обижать меня в нашем пригороде больше никто не рисковал.

Кай вырос вместе со мной. Теперь это был огромный, поджарый и невероятно красивый пёс. Его серая шерсть на солнце отливала серебром, а пушистые уши, которые в детстве казались слишком большими, теперь стояли ровно, придавая ему гордый и немного дикий вид. Его разноцветные глаза по-прежнему приковывали взгляды прохожих: левый, карий, смотрел на мир с глубокой собачьей мудростью, а правый, льдисто-голубой, казался прозрачным и пугающим для чужаков.

Кай превратился в мою тень. Он провожал меня до школьного автобуса каждое утро и преданно ждал на остановке ровно в три часа дня, в любую погоду — под палящим южным солнцем или проливным дождем. Местные задиры давно выросли, Билли Кин перевелся в другую школу, а Бренда при встрече со мной теперь просто вежливо кивала. Сила Кая и моя доброта создали вокруг нас невидимый щит, который никто не решался разрушить.

Наш тандем с Тоби тоже стал только крепче. Тоби подрос, сменил свои нелепые очки на более стильные, но остался всё таким же верным, добрым и понимающим парнем. Мы стали неразлучной троицей: я, Тоби и Кай. Окрестные леса Атланты знали нас наизусть. Летом мы всё так же пропадали в нашем тайном шалаше под магнолией, который мы с годами укрепили и расширили, превратив в настоящий штаб.

В ноябре 1990 года у нас намечался первый серьёзный годовой экзамен по математике. Тоби щёлкал сложные уравнения как орехи, а я безнадёжно плавала в геометрии, поэтому мы решили позаниматься у меня дома. Это был первый раз, когда Тоби пришёл ко мне в гости не просто на крыльцо, а прямо в мою комнату. И Кай устроил моему другу самую настоящую, суровую проверку ревностью.

Стоило Тоби сесть за мой письменный стол и достать из рюкзака учебники, как Кай бесшумно материализовался в дверях. Он замер, его пушистые уши грозно развелись в стороны, а правый льдисто-голубой глаз уставился на Тоби с таким выражением, будто перед ним был самый опасный нарушитель границы.

Пёс по-хозяйски прошёл в комнату, развернулся и улегся своим огромным пятилетним серебристым телом прямо на пол между нашими стульями. Стоило Тоби наклониться ко мне чуть ближе, чтобы показать формулу в тетрадке, как из глубины собачьей груди раздавался очень тихий, низкий и предупреждающий рык. Кай даже не открывал пасть, но его пушистый загривок мгновенно топорщился дыбом.

— Э-э-э, Сара, мне кажется, твой волк планирует меня съесть, — прошептал Тоби, боясь пошевелить рукой с карандашом.

— Не бойся, он просто проверяет тебя, — со смехом успокаивала я его.

Но Кай на этом не успокоился. Стоило Тоби отвернуться к доске, чтобы свериться с графиком, как Кай молниеносно вытянул шею, аккуратно смахнул зубами со стола розовый ластик Тоби и в один миг захрустел им, как вкусной конфетой.

— Эй! Мой ластик! — крикнул Тоби.

Кай с абсолютно невинным видом облизнулся, а затем лениво переполз поближе к дивану, где лежал рюкзак Тоби. Пёс свернулся огромным серым калачом прямо поверх рюкзака, положил сверху свою тяжелую челюсть и закрыл глаза. Вытащить из-под него вещи было невозможно — на любую попытку подойти Кай обиженно и громко ворчал. В итоге мне при-

шлось идти на кухню и «подкупать» этого ревнивого охранника двумя сочными кусочками жареного бекона, которые мама оставила на тарелке. Только учуяв запах мяса, Кай милостиво освободил рюкзак, сыто хмыкнул и ушел спать под мою кровать. Мы с Тоби еще долго хохотали, а папа, заглянув в комнату и увидев Тоби в одном носке (потому что второй тапок папы Кай к тому моменту уже традиционно уволок под кровать), понимающе хмыкнул: «Добро пожаловать в нашу стаю, парень».

Родители дома окончательно смирились с присутствием пса. Более того, папа, который больше всех кричал, что дворняге не место в его доме, теперь втайне от мамы подкармливал Кая сочными хрящиками со своего стола. Правда, Кай платил ему за это всё той же монетой: старая детская привычка никуда не исчезла. Несмотря на свои внушительные размеры и статус взрослого пса, Кай до сих пор умудрялся раз в неделю бесшумно стащить папин домашний тапок и с абсолютно невинным видом утащить его под мою кровать. Папа только вздыхал, ворчал для приличия, но мы все знали — это была их странная, скрытая мужская дружба.

Это был лучший период нашей жизни. Время абсолютного счастья, когда казалось, что каникулы никогда не кончатся, молодость будет длиться вечно, а мой верный разноглазый пёс всегда будет бежать рядом со мной по залитой солнцем лесной тропинке.

Наша зима, была также незабываема. Никогда не забуду её. Нам было очень весело втроем, особенно Каю!

Как-то раз, сидя дома. Мне было грустно, я смотрела в окно и видела как все подростки гуляют большими компаниями. Я смотрела на то, как им весело. И тоже хотела гулять. И к счастью, у меня было два самых лучших друга. Кай и Тоби. Тоби тогда сюрпризом пришел ко мне и сказал одеваться, брать Кая и выходить на улицу, он сказал что покажет нам удивительное место. Не долго думая, я нацепила свои подштаники и поверх теплые штаны. Сверху надела красивый свитер, который мне связала бабушка и куртку. Нацепила на Кая ошейник с поводком и мы вышли на улицу.

Тоби сказал что нашел очень классное место, где мы сможем хорошенько повеселиться. Он дал мне шоколадную конфету и сказал следовать за ним. По дороге до этого чудесного места, мы бросали в друг-друга снежки и падали в сугробы. Было очень весело.

Мы пришли в лес, там была большая снежная гора с крутым спуском. Тоби предложил покататься с горки на картонках. Мы поднялись в самый верх, сели на картонки и поехали. Было очень страшно, что мы врежемся в какое то дерево, да и ехали мы очень быстро. Я закричала прям как пятилетняя девочка, а Кай бежал за нами и смешно лаял, пытаясь ухватиться зубами за картонку или остановить нас лапами. Было, очень-очень весело. В лесу, Кай всегда включал режим волка. Выл так, что невозможно отличить от волка. Было даже жутковато, что мой пёс издает такие звуки. Но главное, что нам было очень весело и мы все были вместе.

Почти всю зиму, мы ходили туда и каждый раз с утра до вечера катались с горки, пили чай из термоса и просто кайфовали, проводя время вместе.

ГЛАВА 7

В июле 1991 года папа неожиданно для всех нас объявил: «Мы едем в поход». С тех пор как начались каникулы в старшей школе, я много времени проводила дома, и отец, видимо, решил устроить нам грандиозную семейную встряску. Он арендовал у соседа старый прицеп, погрузил туда огромную брезентовую палатку, спальные мешки, котелки, кучу консерв и теплые куртки. Мы отправлялись на самый север штата Джорджия, к подножию лесистых гор Аппалачи. Кай воспринял сборы с диким восторгом — он крутился у прицепа, пытаясь запрыгнуть внутрь прямо на ходу, и победно размахивал хвостом.

Дорога на машине заняла почти полдня. Когда мы наконец разбили лагерь на живописной уединенной поляне, окруженной вековыми соснами и покрытыми туманом горами, Кай почувствовал себя настоящим хозяином дикой природы. Его серебристая шерсть идеально гармонировала с местными скалами. Но наш домашний, цивилизованный пёс совершенно не понимал строгих походных правил.

Первая же ночь в палатке превратилась в настоящую комедию. Папа долго и упрямо натягивал брезентовый купол, ворча и вбивая железные колышки в сухую землю. Когда мы наконец легли спать, огромный Кай наотрез отказался спать на своем выделенном коврике у входа. Он, видимо, решил, что палатку со всех сторон штурмуют дикие звери, и улегся ровно посередине — прямо между мной и мамой, заняв добрую половину места. Каждые полчаса этот серебристый великан шумно вздыхал, ворочался с боку на бок и пытался укрыть свои большие пушистые уши маминым пуховым одеялом. Но самое веселое началось под утро.

Около пяти часов утра из темноты лагеря, прямо со стороны нашего походного стола, послышался странный шорох и звяканье посуды. Кай мгновенно вскинул голову, его пушистые уши встали торчком, а правый ледяной голубой глаз грозно блеснул в полумраке. Пёс издал короткий басовитый «вуф» и пулей вылетел из палатки, сделав в брезентовом пологе новую, не запланированную папой дыру.

Я испуганно выскочила следом за ним в одних носках на холодную траву. Оказалось, к нашему столу пробралось семейство наглых лесных енотов, которые пытались утащить папину сумку с продуктами. Кай не стал их кусать. Он просто с самым грозным и суровым видом заблокировал им выход, усевшись прямо на папин спальный мешок, который еноты уже успели вытащить наружу. Еноты обиженно зашипели, поняв, что сила не на их стороне, и шустро бросились врассыпную на деревья. А Кай с абсолютно победным и невозмутимым видом остался сидеть на мешке, держа в зубах... пачку походного зефира-маршмеллоу.

Утром папа, зашивая палатку и осматривая слегка пожёванный спальник, только качал головкой и улыбался. Но когда мы сели завтракать, он отрезал Каю самую большую и сочную порцию жареной ветчины.

— Ну ты и походник, старик, — ласково потрепал папа пса по загривку. — Палатку порвал, зато еду от бандюгов спас. Запишем тебя в почетные скауты.

Но, как оказалось, еноты были лишь безобидной разминкой. Горы Аппалачи таили в себе куда более серьезные опасности, и дикая природа решила устроить нам настоящую проверку на прочность на третий день нашего похода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.